

У ИСТОКОВ УДМУРТСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

XVIII столетие (в особенности середина и вторая его половина) характеризовалось началом разложения феодально-крепостнического строя и усилением капиталистических элементов, приведших в конечном итоге к развитию товаро-денежных отношений и складыванию общероссийского рынка, куда постепенно вовлекалась и такая периферия, какой было в то время Удмуртское Прикамье. Зарождение и развертывание в России капиталистической формации сопровождалось не только увеличением числа мануфактур, усилением эксплуатации как крестьян, так и иного рабочего люда и т.д., но и такими явлениями и процессами, которые объективно имели положительные последствия и для Удмуртского края, — дальнейшим развитием науки и образования (коснувшихся и периферии) с целью подготовки грамотных людей, способных управлять современным производством; проведением многочисленных экспедиций на окраины для выявления природных и людских ресурсов страны и началом массовой христианизации нерусских народов Поволжья и Приуралья, которая призвана была подкрепить экономическую и политическую консолидацию огромной империи идеологической. Все эти процессы привели к формированию в стране и Прикамье тех минимальных объективных условий и появлению определенных субъективных факторов, одним из последствий которых явилось зарождение комплекса удмуртоведческих наук, в их числе и филологии.

Удмуртская филология в своих истоках имела еще относительно синкретичный характер, но тем не менее в ней нащупываются следующие основные направления: 1. Элементы фольклористики и поэтического творчества; 2. Зачатки отдельных разделов лингвистики.

1.1. Проявлениями фольклористики XVIII в. следует считать, с одной стороны, фиксацию в словарях названий отдельных фольклорных жанров (мадь кыл, маден, портман "загадка", кылэн юнматон "заговор", кыл пум "пословица", кырзан, кырезь

"песня", маден кыл "сказка", вераськон, маден кыл, поян кыл, "басня, притча", бордон "прочитание", вoсьяськон "молитва" и др.), мифологических персонажей (инмар-бог, бог неба, бог солнца, бог добра, керемет — бог зла, шунды мумы — мать солнца, лул — душа, урт — дух, лудмурт, алид — леший и т.д.), элементов национального музыкального инструментария (крезь "гусли", чипсон "свистулька", ым крезь "губной варган", лэчиртон "трещетка" и пр.) и т.д., несомненно свидетельствующих о довольно развитой системе устно-поэтического творчества удмуртов в то время; с другой стороны, первые записи самих фольклорных произведений. Так, в материалах ученых ХУШ в. увидели свет (или сохранились в рукописи) одно из произведений древнейшего жанра — заговора, в данном случае против оспы у детей: Шунды мумы, бурмыты, эн ви, бур кар, бурмыты. "Мать солнца, исцели, не дай умереть, сделай добро, исцели" (Н.Р.Рычков); предания о берестяной книге удмуртов с записями народных обычаев (Ф.И.Страленберг) и о происхождении Чертова городища близ Елабуги (М.Могилин); записи народных мелодий (Г.Ф.Миллер) и особенностей исполнительства народных песен удмуртами (А.Н.Радищев) и т.д. (подробнее см.: Поздеев 1976).

Разумеется, этих довольно скудных материалов было явно недостаточно для формирования основ удмуртской фольклористики как науки, однако даже они ценны для нас как косвенное свидетельство современников о жанровом многообразии фольклора, составлявшего ту атмосферу духовности, которая окружала рядового удмурта — объекта начального просвещения и изучения в филологическом отношении, с одной стороны, и исполнителя первых шагов в поэтическом творчестве, с другой.

1.2. От ХУШ в сохранились до нас два стихотворения на удмуртском языке, созданные на основе русского оригинала: одно — четверостишие (опубликовано в 1768 г.) и другое — в десять строк (1782) (Тепляшина 1965:225-228). При всей неточности их синтаксиса, примитивности поэтических средств и, наконец, переводном характере эти связные тексты все же могут быть квалифицированы как факты возникающей удмуртской литературы, ибо представляют собой попытку грамотных удмуртов — носителей определенного фольклорного начала — активизировать выразительные средства своего родного языка и народной поэтики в популярном в то время литературном жанре хвалебной оды (см. также: Domokos 1974).

2.1. Из разделов лингвистики наибольшее распространение в ХУШ в. получила лексикография. Было составлено множество словарей различного объема — от нескольких десятков слов до

нескольких тысяч. Из опубликованных следует назвать списки слов Ф.И.Страленберга — около 30 слов (1730), Г.Ф.Миллера — свыше 250 слов (1758, 1791), И.Э. Фишера — свыше 35 слов (1768), П.С.Палласа — свыше 270 слов (1787 — 1789), "Сочинений. . ." — свыше 1400 слов (1775) и т.д. К сожалению, значительная часть лексикографических материалов ХУШ в. осталась неизданной, в их числе и наиболее крупные, напр.: грамматика М.Могиллина, содержащая около 2100 слов (1786), и удмуртско-русский словарь З.Кротова — около 5000 слов (1785) (о последнем подробнее см.: Тепляшина 1971; 1973).

Словари ХУШ в. имеют огромное историческое значение, заключающееся в том, что: 1) они в совокупности дают довольно полное представление об основном словарном фонде удмуртского языка двухвековой давности (источник исторической лексикологии); 2) в них нашли отражение правда, не всегда однозначное, фонетические и частично морфологические особенности тех говоров, на территории бытования которых они составлены (источник исторической диалектологии); 3) будучи самыми ранними памятниками удмуртской письменности, сохранили архаичные элементы и формы не только в лексике, но и на других уровнях системы языка (источник исторической грамматики).

2.2. Сведения по диалектологии удмуртского языка были представлены в ХУШ в. в двух формах: во-первых, сами письменные памятники (в первую очередь, естественно, словари) имплицитно содержали особенности говоров той или иной территории, где был составлен языковой документ; во-вторых, о диалектной раздробленности удмуртского языка писали и сами ученые. Так, Г.Ф.Миллер, собиравший удмуртский лексический материал в первой трети ХУШ в., высказался о том, что удмурты в языковом отношении делятся на "верхних и нижних"; ему вторит П.С.Паллас: "на карельском, черемисском и вотяцком языках из разных стран словари . . . несколько между собою. . . разнствуют" (цитируется по: Тепляшина 1965:77). Интуитивно имел(и), должно быть, представление о наличии диалектов в удмуртском языке и составитель (-и) первой грамматики, лексика которой отражает различную диалектную стихию.

Все это, несомненно, является свидетельством того, что к концу ХУШ столетия относятся зачатки удмуртской диалектологии, но говорить о ее научности было бы неправомерно, ибо исследователи того времени были еще весьма далеки от необходимости описания конкретных диалектов в контрасте с другими, с одной стороны, да и диалектная речь интересовала их не столько сама по себе как тот или иной вариант удмуртского языка, а лишь

как репрезентант общеудмуртского языка в противоположность языкам прочих народов, с другой (см. также: Кельмаков 1976: 104).

2.3. Несколько лучше обстояло дело с разработкой отдельных проблем ономастики, что проявилось не только в фиксации ономастической лексики в трудах ученых путешественников, напр., топонимии: Бикся, Кичяк, Вошторма-Юмга, Уча (Н.П.Рычков), Кам Козин (И.Г.Георги), Кам (П.С.Паллас) и др. исторически сложившихся этнонимов удмуртского народа и его соседей в речи удмуртов: удмурт, вотяк, ар, бигер "татарин", пор "мариец", таулу (?) "мордвин"; мужских (Ишман, Камай, Елтемир и др.) и женских (Даминь, Баделет, Беке, Чанга, Акстон и т.д.) антропонимов (И.Г.Георги), но и в попытке дать им — порою безуспешно — этимологическую интерпретацию. В частности, П.С.Паллас (1788:30) весьма корректно анализировал морфемную структуру этнонима удмурт: "Мурть значить на вотяцкомъ языкѣ мужей . . . , и такъ Уть или Вуть есть собственно имя нарицательное, изъ коего россияне сделали воты или вотяки"; Г.Ф.Миллер (1791:32) добавляет: "Удь, по-черемисски именуется Ода, и есть имя собственное. . ." Современная ономастика вполне солидарна и с вышеприведенным членением этнонима удмурт, и с этимологическим сближением мар. одо (-) "удмурт" и рус. вот- (вотский, вотяк) с удмуртской топоосновой уд-. П.С.Паллас (1788: 29-30) одним из первых дал этимологию гидронима Кама: "Кам означает на вотяцком языке вообще великую реку". И т.д.

Без преувеличения можно сказать, что в трудах ученых ХУШв. появились не только начала удмуртской ономастики, но и складывался один из ведущих ее методов — этимологический.

2.4. Объектом этимологии, как раздела исторического языкознания, посвященного исследованию происхождения слов и составляющих их морфем, выступали не только собственные имена (2,3), но и нарицательная лексика. Пионером в этой области явился, по мнению Ш.Чуча (Csúcs 1990: 8), И.Э.Фишер, который в рукописном словаре удмуртского языка, составленном предположительно в 30-е гг. (Csúcs 1983: 311-312), нередко обращался к этимологии.

2.5. Важнейшей областью языкознания ХУШ в. явилось составление грамматик удмуртского языка. Были созданы две грамматики, из которых одна под названием "Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка" была издана в Санкт-Петербурге в 1775 г., вторая же — "Краткой отяцкия грамматики опытъ" М.Могилына, — завершенная в 1786 г., осталась в рукописи.

"Сочинения. . ." формально состоят лишь из морфологии, многие положения которой вполне приемлемы и в наши дни, однако, судя по тексту книги, ее составитель(и) имел(и) весьма неплохие представления и о других разделах традиционной научной грамматики:

1) лексика представлена обширным (соотносительно с объемом грамматики) словарем, включающим слова почти по всем частям речи;

2) довольно последовательные графика и орфография в написании удмуртских слов, в том числе и содержащих специфичные фонемы й, ж, э и о, свидетельствуют о высокой фонологической культуре автора (-ов);

3) положительные знания в области синтаксиса проявились, во-первых, в правильных, с соблюдением синтаксического строя удмуртского языка поданных предложениях и выражениях типа: кинълэнъ со сяськазэъ? чей этот цвѣтокъ? мынамя вынылэнъ сяськазэъ моего брата цвѣтокъ (с.2); я взяль твой цвѣтокъ монъ басы тынысытыдь сяськаде (с.3); монъ асьме ацимъ верасько я самъ себя сказываю (с.53) и др.; во-вторых, в точных и метких ремарках синтаксического характера, вставляемых в текст традиционно понимаемой морфологии, ср.: "Имена Существительныя чрезъ падежи не склоняются. . . , ежели они выговариваются съ именами числительными, напр. я ему подарилъ два цвѣтка монъ солы кузмай кыкъ сяська. . ." (с.5); "Всѣ предлоги у Вотяковъ полагаются после своихъ падежей; и. . . всѣ почти полагаются съ падежемъ Именительнымъ. . ." (с.112). И т.д.

Важное историческое значение "Сочинений. . ." отнюдь не исчерпывается их теоретическими положениями, оно заключается также и в следующем: во-первых, эта грамматика еще два века тому назад послужила в просвещенном мире своеобразной визитной карточкой, паспортом (если можно так выразиться) удмуртского языка, свидетельствующавшей (-им) о его существовании на земле; во-вторых, своей четкой и довольно последовательной графикой и орфографией заложила прочные основы удмуртской письменности; в-третьих, еще два века тому назад имплицитно указала на тот путь создания общенациональных языковых норм, по которому шло впоследствии формирование литературного удмуртского языка — в результате синтетического сплава богатства и особенностей многих диалектов. И др.

Вышеизложенное позволяет прийти к следующим выводам (отнюдь не претендующим на окончательность):

1) из трех основных ветвей традиционно понимаемой филологической науки — фольклористики, литературоведения и язы-

кознания — в ХУШ в, в области удмуртоведения относительно большее развитие получила лингвистика;

2) по глубине проникновения в объект исследования и значимости для всей удмуртской культуры "Сочинения принадлежащая к грамматикъ вотскаго языка" занимают ведущее место среди прочих трудов и составляют вершину удмуртской филологии ХУШ в.;

3) хотя в удмуртском языкознании в начальный период его развития и наметились отдельные разделы (морфология, лексикография, диалектология, ономастика, этимология и др.), оно было еще весьма далеко от того состояния, чтобы квалифицировать его в качестве комплексной науки в современном понимании.

ЛИТЕРАТУРА

Кельмаков В.К. 1976, Дореволюционные письменные памятники как источник изучения исторической фонетики удмуртского языка // 200 лет удмуртской письменности / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР, — Ижевск, с.104-111.

Миллер Г.Ф. 1791, Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. . . , Спб.

Паллас П.С. 1788, Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч.3, Спб.

Поздеев П.К. 1976, Удмуртские фольклористические сведения и материалы в письменных источниках ХУШ века // 200 лет удмуртской письменности / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР, — Ижевск, с.116-119.

Тепляшина Т.И. 1965, Памятники удмуртской письменности ХУШ века / АН СССР. Ин-т языкознания. — М., вып.1, 324 с.

Тепляшина Т.И. 1971, Об удмуртско-русском словаре Захария Кротова // СФУ, № 2 (УП), с.129-139.

Тепляшина Т.И. 1973, Морфологические диалектизмы в словаре З.Кротова // Вопросы удмуртского языкознания / УДМ НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР, — Ижевск, вып.2: Сб. статей и материалов. — С.224-226.

Csúcs S. 1990, Chrestomathia Votiacica. — Budapest: Tankönyvkiadó. — 224 l.

Csúcs S. 1982, Egy 18. századi votják nyelvemlék // NyK. — 2(85). — 311-320 old.

Domokos P. 1974, Ein Kapitel aus der Geschichte der udmurtischen Literatur // ALH. — 1-4 (XXIV). — S. 117-123.